

Янь Ю хотел поскорее спровадить Цзян Синши. Он ненавидел, когда кто-то видел его в столь жалком виде, и не желал, чтобы окружающие обнаружили его слабые места. Поэтому, сделав над собой усилие, он посторонился и спросил:

— Староста, вам нужно что-то взять?

Цзян Синши остался стоять на месте и, проигнорировав вопрос, произнес:

— Тоже аллергия на пыль?

«Тоже». Похоже, хотя Цзян Синши и узнал от классного руководителя, учителя Чжана, лишь о том, что новенький склонен к аллергии, он уже успел раскусить суть этого болезненного и слабого создания.

«Тоже аллергия на пыль» — прозвучало так, словно это было проявлением высокомерного пренебрежения. По крайней мере, именно так решил Янь Ю, движимый некой предвзятостью.

Янь Ю замер, снова закашлялся и отвел взгляд. Ему не хотелось признаваться в этом, поэтому он ответил глухим голосом из-под маски:

— Да, вроде того.

Цзян Синши посмотрел на него:

— Дай сюда метлу.

Янь Ю не сразу среагировал и поднял на него глаза. Цзян Синши не стал ничего объяснять — на самом деле, он редко кому-либо что-то объяснял. Все его действия укладывались в рамки правил и были легко понятны окружающим, поэтому даже когда он помогал одноклассникам, никто не допытывался о причинах.

Инстинктивно Янь Ю отказался:

— Не стоит, это как-то неловко.

Цзян Синши помедлил, а затем негромко спросил:

— Как ты меня назвал?

Янь Ю не совсем понял, что он имеет в виду, и, немного помедлив, ответил:

— Староста?

Цзян Синши кивнул:

— Вот поэтому я тебе и помогаю.

Он забрал из рук Янь Ю метлу и небрежно бросил:

— Выходи.

Цзян Синши вел себя совершенно обычно — так же, как когда делал замечание о слишком длинных волосах, нарушающих правила, или требовал сдать домашнее задание. Казалось, он просто исполняет обязанности старосты и проявляет заботу о каждом ученике, не выделяя Янь Ю ничем особенным.

А Янь Ю, еще не успев прийти в себя, уже оказался выставлен из класса. Он должен был отказаться. Янь Ю не любил принимать помощь, так как чувствовал потребность отплатить вдвойне. Но вчера он принял решение, а значит, теперь все стало приемлемым.

Стоя в коридоре, Янь Ю почувствовал, что недавний кашель и легкая аллергическая реакция отняли у него все силы. Лишь сняв маску, забитую пылью, он наконец смог свободно вздохнуть.

Через приоткрытую дверь Янь Ю смотрел на спину Цзян Синши. Он не мог понять, зачем тому понадобилось помогать ему. Поразмыслив немного и не найдя ответа, он пришел к единственному логичному выводу: возможно, как и на первом уроке английского, Цзян Синши просто исполнял свои обязанности.

Часто Янь Ю казалось, что Цзян Синши перестал изображать из себя идеального человека перед ним лишь потому, что уровень их взаимной симпатии опустился до минус ста, и теперь любые действия стали бессмысленными. Это было то, что Янь Ю пока не мог осознать.

Он перестал ломать голову и решил облагородить образ этого человека в своих мыслях, отбросив предвзятость. Как бы то ни было, хорошая новость заключалась в том, что Янь Ю наконец нашел повод, чтобы вполне естественно повысить уровень симпатии Цзян Синши.

Однако нельзя было показывать чрезмерную благодарность — у Янь Ю, как у всеобщего изгоя, имелась своя гордость. Поэтому он сдержанно начал по чуть-чуть повышать уровень симпатии.

[Уровень симпатии школьного изгоя к вам изменился: +1]

[+1]

.....

[+1]

Когда в первый раз симпатия упала до минус ста, череда быстрых системных оповещений раздражала не дольше минуты. Но сейчас, в пустом классе, одинокие системные сигналы звучали размеренно и даже отдавались эхом. Это было не только шумно, но и жутковато.

Янь Ю признал, что был измучен. Выбирая между тем, чтобы отбросить гордость и разом поднять симпатию до нужного уровня, или продолжать терпеть пытку системными звуками, Янь Ю выбрал бегство.

Цзян Синши быстро закончил уборку. В отличие от Янь Ю, он был мастерски натренирован в подобных делах. Но, обернувшись, он обнаружил, что за дверью уже никого нет. Цзян Синши не придавал этому значения. Прежде чем что-либо сделать, он всегда просчитывал результат и возможную отдачу. Янь Ю ненавидел его — это был заранее известный факт, и требовать благодарности от человека с таким низким уровнем симпатии было бы глупо.

Цзян Синши редко проявлял доброту и не делал лишних движений, но, возможно, аллергия Янь Ю была настолько сильной, что выглядела угрожающей жизни. Поэтому иногда он совершал поступки без ожидания награды.

Цзян Синши собрал вещи и собрался уходить.

— Староста.

Видимо, пробежав по лестнице слишком быстро, Янь Ю запыхался. Он снова закашлялся, его щеки покраснелись — вероятно, от аллергии, хотя, к счастью, сыпи не было. Цзян Синши подошел к нему.

Янь Ю, тяжело дыша, протянул руку с бутылкой ледяной колы:

— Тебе.

Даже Янь Ю, чей уровень симпатии поднялся с минус ста до минус восьмидесяти, способен купить человеку ледяную колу. Цзян Синши принял бутылку.

Они стояли лицом к лицу. Дыхание Янь Ю постепенно выравнилось. Глядя на чисто убранный класс, изгой, которому помогли, решил, что должен отплатить добром, и по-доброму посоветовал:

— Почему не пьешь? Она же ледяная.

Цзян Синши, держа бутылку в руке, ответил:

— Я не пью колу.

— Хм?

— Это вредно.

Янь Ю широко раскрыл глаза. В его мире было невозможно представить, чтобы сверстник отказался от «жидкого счастья» только из-за того, что это «вредно». Но из чувства

благодарности Янь Ю смирился с этим странным поведением и протянул вторую руку с теплым молоком:

— Тогда давай поменяемся.

Ледяная кола вернулась к Янь Ю. Он неловко отвел взгляд, так как еще не привык к нынешнему состоянию. Весь покрытый пылью, Янь Ю снял куртку, перчатки, шапку и маску, сложив все это на перилах балкона в коридоре. Он надеялся, что Цзян Синши выпьет молоко, и на этом они разойдутся.

Цзян Синши спросил:

— А ты почему не пьешь?

Янь Ю вздрогнул, поднял колу и покрутил ее перед глазами:

— Я... я обещал маме не пить ее.

На самом деле у Янь Ю был очень слабый желудок, и от холодной пищи он заболел. В детстве он просил Тань Сюмина тайком принести ему колы, но после минутного удовольствия последовала рвота и диарея. Все близкие очень перепугались, а маленький Тань Сюмин сильно винил себя и был напуган до смерти.

Янь Ю продолжил свою неумелую ложь:

— Мама считает, что это вредно.

Цзян Синши, казалось, был в хорошем настроении и решил поболтать:

— Ее ведь сейчас здесь нет.

Это прозвучало как искушение нарушить правила. Янь Ю немного растерялся и снова чихнул:

— Теперь у меня достаточно развито самосознание. Если я что-то пообещал, то не нарушу слово и не буду пить холодную колу.

Он не хотел рассказывать о своем слабом здоровье — не желал вызывать жалость, даже если этот человек не казался ему сострадательным.

Цзян Синши тихо усмехнулся. В его янтарных глазах отразилась улыбка — самая настоящая. Ледяная кола снова перекочевала к нему в руки.

— Иногда можно позволить себе что-то вредное.

Так он это объяснил.

На банке с колой еще оставался конденсат, но стоило Янь Ю подержать ее немного, как его пальцы от холода невольно сжались и дрогнули. На секунду их взгляды встретились. Цзян Синши слегка приподнял подбородок, опустил глаза и с иронией заметил:

— Такой изнеженный.

Янь Ю:

— ?

Ну конечно, как он мог ожидать хоть капли доброты от этого человека? Его первоначальная предвзятость была верна: этот тип просто насмехается над ним.

Ладно, может, пусть все катится к черту.

Но не успел он додумать эту мысль, как Цзян Синши протянул ему открытую бутылку молока. Янь Ю стерпел унижение: думая о долгосрочной перспективе, он не мог позволить уровню симпатии упасть.

Он сделал глоток молока, чувствуя, что сам же себя и загнал в ловушку.

<http://bllate.org/book/21746/2248174>